

А. Ф. ЖУРАВЛЕВ

Из русской фразеологии: *на пона*

Выражение *на пона́* ‘стоймя, вертикально, торчком (преимущественно о неодушевленном предмете)’ употребляется почти исключительно в сочетании с глаголами *ставить/поставить* и *стать (встать; диал. ставать)*. У *стать на пона* В. И. Далем, в архангельском говоре, отмечается — едва ли не единственный раз — значение ‘вздыбиться (о лошади)’ (Даль₂ IV: 309; СРНГ 41: 94). Редкий, по-видимому, идиолектный вариант идиомы с использованием в сюсюкающей речи, обращенной к младенцу, уменьшительного от *пон* («*Вставай на поника* да держись за причлину») [Словарь Карелии 5: 226, ст. **Причалина...**] существен для нас не этой диминутивностью, а применением к живому существу. Сочетания со стативным глаголом *стоять* («...у ворот *стояла на пона* длинная узкая бочка в подтеках мазута...») — К. Воробьев, «Убиты под Москвой»; «Между лавками *стоял на пона* чемодан...») — М. Ганина, «По Витиму — на материк...») воспринимаются как расшатывающие узус; объяснять эти отклонения надо, очевидно, преобразованием каузальной глагольной семантики в результатив, то есть через «стяжение» логического звена в конструкции ‘стоял поставленный’.

У исследователей русской фразеологии идиома (*стать, поставить...*) *на пона* значительного интереса, как нетрудно заметить, не вызывает. Однако она не является ни внятной по форме, ни прозрачной по смысловой мотивации и потому нуждается в более пристальном рассмотрении.

Можно предположить, что фразеологизм имеет диалектно-просторечные истоки, а хождение в литературной речи приобрел не так уж давно. Показательно, что в Частотном словаре языка русской прозы 1850–1870 г., который опирается на совокупную выборку в 15 миллионов словоупотреблений (приблизительно 45 тысяч страниц «книжного издания») и включает единицы с частотой не ниже 3, выражение *на пона* не отмечено (см.: Шайкевич, Андриющенко, Ребецкая 2013: 350). Не нашла себе места эта идиома даже в весьма богатом для своего времени собрании освоенных письменной речью образных единиц и устойчивых сочетаний М. И. Михельсона (наиболее полное издание — посмертное: [Михельсон 1912]).

Кроме русского языка, выражение регистрируется в украинском (*на пона́*) и белорусском (*на панá*), где, не исключено, является следствием русского влияния.

В толковании опорного для идиомы имени словарь Даля и «Опыт областного великорусского словаря» 1852 года исповедуют разумный лексикографический лаконизм: «*Поп*, в игре в городки, рюхи, чушки: выбитая из кона чушка, ставшая опять торчком или *на-попа*, что говор<ится> и о бочке или тюке; стойком, торцем, торчмя; в игре в козны, бабки, при конании, то же, стоячее положение бабки» (Даль² III: 308); «**Поп**... В игре в городки или рюхи: та рюха, которая, быв выбита с места, перекатысь, сама станет» (Опыт: 171) (в отличие от словаря Даля — без упоминания иных, кроме игровых, возможных контекстов). Ходкое суждение о выводимости фразеологизма (*стать*, (*по*)*ставить*) *на попу* специально из терминологического оснащения «старинных народных игр в городки, бабки, рюхи, чушки» (Бирих, Мокиенко, Степанова: 558) в конечном счете опирается, следует думать, именно в эти словарные свидетельства, хотя глагол и причастие в них не каузативны («сама станет»).

Игровой термин *поп* и выражение *на попу* с обширным контекстуальным фоном отмечаются в описании подвижных игр, принадлежащем педиатру, педагогу и этнографу Егору Арсеньевичу Покровскому, — в исследовании «Детские игры, преимущественно русские. В связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной» (Покровский 1887), которое в свое время было довольно широко и заинтересованно читаемым. Вот некоторые необходимые тамошные контексты: «...чиж, или *поп*, то есть небольшая чурочка, конусообразно обтесанная и сделанная из того же дерева, что и остальные чушки, длиной около 2–3 вершков, толщиной при основании 1–2 вершка...»; «...нередко заменяют этих чижей или *попов* пятой чуркой...»; «...одна чушка кладется плашмя, на нее кладут три концами, а пятая ставится на окружности “*на попу*”, в расстоянии одного аршина от остальных»¹. Название игровой чурки *поп* в цитированном тексте никак не объясняет адвербиального значения предложно-падежного сочетания *на попу* ‘вертикально, торчком’: фигурки в игре могут занимать разные положения, и как раз чаще горизонтальное или наклонное. Можно даже на секунду усомниться, относится ли выражение *на попу* в приведенной цитате к лексике самой описываемой игры или же принадлежит языку описания: прямого указания на это нет, а в вертикальную позицию ставится, кажется, не *поп*, но «пятая» стандартная (цилиндрической, а не конической формы) чурка. Но в этом описании игры появляется каузативный глагол, в позднейших контекстах преобладающий.

¹ <http://setilab.ru/modules/article/view.article.php/42?category=24&article=42&page=8>

Ради большей полноты картины можно упомянуть, что Е. А. Покровский в данном случае рисует игру, распространенную на территории севернорусских говоров и северо-восточной диалектной зоны — в Вятской, Пермской, Симбирской губерниях. Регистрации игрового термина *поп* / *попы* (сама ‘игра’ или ‘чурка, рюха’) в сводном русском диалектном лексиконе (значения 9. и 10. словарной статьи **Поп**) относятся к Архангельской (9 записей²), Вологодской (3), Вятской (2), Олонецкой (1), Пермской (1), Псковской (2), Рязанской (1), Томской (1), Ярославской (1) губерниям, Свердловской области и «Уралу» (3); в Смоленской губернии так называется ‘игра в кегли’ и ‘кегля (в особенной позиции)’ (СРНГ 29: 292); на Западной Брянщине отмечен диминутив *попóк* ‘городки’ (в *попка гулять*) и ‘рюха’ (СРНГ 29: 328). Свидетельства словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей усиливают позиции Прионежья («Раньше *попá* гоняли, рюху ставили... у одних рюхи, у других — рюхи, поп один и одна палка») и Помостья (Словарь Карелии 5: 74, 601). Выражение *на попа* в перечисленных словарных регистрациях не замечено. Из того обстоятельства, что у ингерманландских финнов развлечение со сшибанием чурок называется *porpi* («попы»)³, очевидным образом соотносясь с русскими словами (ср. отличное финск. *кууккá* ‘городки’), можно заключить, что похожая русскоязычная игровая терминология была известна и в пространстве между Ладогой и Финским заливом⁴. (За пределами восточнославянской территории игровой термин ⁺*pop* также встречается: ср. польск. *pop* ‘w grze, klocek z przecíka ucięty i nieco oskrobany’: «Dla każdego uczestnika powinno być 9 biczek, 1 sak, 1 P<op>. Birki dzielą s. na kury i popa» [Warszawski słownik IV: 638].)

Нужно, однако, отметить, что занимающее нас русское предложение-именное сочетание сравнительно рано встречается за пределами терминологии городошных забав — даже в специальных текстах описательно-технического характера (вплоть до отраслевых лексиконов). Примеры: «А из пушки, поставленной „на попа“, 2-хпудовая грана-

² Еще одно архангельское употребление формы *поп(ы)*, могущей служить названием игры, приводится ниже, в сноске 6.

³ Подробнее см., например: <http://inkpulp.narod.ru/poppe.htm> (со ссылкой на данные И. К. Инха, 1897).

⁴ Сюда не имеет никакого отношения южнорусское *играть в попá* ‘играть в игру, сходную с игрой в фанты’: «Ф папа играли на вичиринках, накрывали аднаму лицо платком и спрашывали: “Чиво этой девушки зделать?”» (Словарь донского казачества: 195). В этом словаре выражение «игра в „попа“» встречается также в толковании термина *клёк* ‘игра вроде городков’, ‘выбиваемая чурка’ (там же: 218), но остается неясным, принадлежит ли оно самому диалекту или же языку описания.

та, взвываясь очень высоко, совершала полет версты на 3» (И. Протопопов, С. Соваж, «Исторический путеводитель по Севастополю», 1903–1904; из данных НКРЯ); «Посадить на попу (пень). У вывороченного с пнем дерева, по отрубке ствола, поставить пень в прежнее вертикальное положение. Термин крестьян лесорубов на юге России» (Вереха 1898: 403)⁵. Составители указанного выше историко-этимологического словаря «Русская фразеология», отсылая к популярной книге «Крылатые слова» этнографа и лексикографа С. В. Максимова (издание 1955 года), пропустили мимо внимания его существенное для данного случая замечание: «...“на-попа”, столь употребительное и известное в среде рабочих всякого рода, — значит: стойком поставить хоть что-нибудь, торчмя, напр., товарный тюк или квасную бочку» (Максимов 1890: 471; разрядка наша. — А. Ж.). Словарный опыт проф. П. Н. Верехи, кстати, имеет дело с «лесоводственной» терминологией русского юга. Ограничения в поисках происхождения фразеологизма только игровой терминологией, к тому же тяготеющей к севернорусской территории, видятся, таким образом, недостаточно основательными⁶.

В текстах художественной словесности, согласно показаниям Национального корпуса русского языка, в неигровых контекстах фразеологизм *на попу* впервые регистрируется в середине 1880-х гг. — у А. Черкасова («Кара»: *поставить мортрку*), далее у А. Зарина («Двоевластие», 1912: *поставить бочку*), и широко употребляется начиная с 1920-х годов — у Б. Губера («Шарашкина контора», 1924: *поставить сани*), Н. Эрдмана («Самоубийца», 1924: *ставит жещину*, о впавшей в обморок), Артема Веселого («Россия, кровью умытая», 1927–1928: *мешки ставить*), М. Горького («Жизнь Клима Самгина», 1928: *поставить гроб*) и др.

Идея «прямызны», легко преодолевающая собственно пространственные представления, позволяет вторичное употребление выра-

⁵ Ср. укр. диал. (бойковское) *зробіти попа́* — «про колоду, що при вантажні чи спуску з гори стала вертикально на торцевий бік (*Гарували так, що зробили попа́ на лісосіці*)» [Матіїв: 351].

⁶ Вопреки широкой сейчас, казалось бы, известности, фразеологизм *на попу* в текстуральных иллюстрациях к статьям более полусотни изданных к настоящему времени выпусков СРНГ встречается редко — только трижды: две регистрации отражают его употребление в терминологии подвижных игр («У Гриньки такой панок — бесперечь *на попу встаёт*: он вас всех обыграет», Урал [СРНГ 2: 271, ст. **Бесперечь**]; «*На попу играют*, попы ставят, палками сшибают...», Арх. [СРНГ 44: 176, ст. **Токать**]) и всего лишь одна передает «общетехническое» значение («*Вздымай тюк на попу*», Волог. [СРНГ 4: 262, ст. **Вздыть** — sic!]), да и та — не из собственных запасников, а извлечение из словаря Даля.

жения (*по*)*ставить на попа* — применительно к необиняковой речи. В. А. Водарским в Московской губернии (по-видимому, в Шуйском уезде в начале 1920-х годов) оно записано в значении ‘ставить вопрос ребром, заявлять прямо и решительно’: «Вопрос о поведении Афонина надо *на попа* ставить» (СРНГ 29: 291); позже оно встречается в прозе В. Катаева («Поставить вопрос “*на попа*”: широко и принципиально» — «Время, вперед!»), А. Бека («Талант»), А. Твардовского (рабочие тетради 60-х гг.) и др. (данные НКРЯ). То же метафорическое смещение от обозначения пространственных отношений к характеристике речи наблюдается в сопоставляемых наречиях *напрямик* — *прямяком* (также *прямо*, *прямолинейно*).

Нам представляется, что значение ‘стоймя, вертикально’ (часто о протяженных предметах, для которых обычным является горизонтальное положение; очень редко — о человеке или животном, примеры см. выше)⁷ нужно связывать с довольно распространенной метафорической моделью «‘пространственно выдающийся предмет, занимающий верхнее или вертикальное положение’ ← ‘социально обособленная, выделенная фигура’».

Кроме многочисленных значений русск. диал. *поп* — ‘прямо стоящий предмет’, ‘копна’ («Копнами у нас не зовут, только *попáми* зовут» [Словарь Карелии 5: 74]), ‘вертикальная укладка снопов’ («Идѣш па полю: пафсюду *папы стаят*» (Словарь Мордовии II: 912)), ‘верхний сноп, покрывающий колосья укладки снопов, поставленных вертикально’ (ср. в скороговорке: «*Стоит поп* на копне, колпак на *попе*, копна под *попом*, *поп* под колпаком»), ‘подставка, подпирющая готовое к спуску судно, которую выбивают при его спуске’, ‘круглое полено’, многократно упоминавшихся выше ‘в игре в городки — рюха, которая, будучи сбитой с места, перекатысь, приняла стоячее положение...’, ‘кегля в вертикальном положении’ и т. п., — *пóпик*, *попóк* (‘стог сена’, ‘верхняя часть жерди в середине стога’), сюда могут быть привлечены значения диалектных слов *панóк* ‘укладка из трех-четырёх снопов’; *солдáт*, *солдáтник* ‘верхний сноп в бабке (укладке)’, ср. *солдатиком* ‘(способ прыгать в глубоководу) навтыяжку ногами вниз и с прижатыми к телу руками’; *князь* ‘верхний сноп в суслоне’, *князь*, *князек*, *князѣц* ‘верх, гребень двускатной крыши’; не исключено, *корóль* ‘одно из четырех положений

⁷ Поиски в предложно-именном сочетании *на попа* теоретически допустимой лативной семантики ‘поверх (чего-л.)’, точнее, в существительном *поп* — значения предмета, могущего быть для чего-либо основанием, опорой и проч., следует отклонить ввиду всякого отсутствия в русской фразеологии коррелирующего выражения с предложным падежом в эссивном значении **на попé / попу* (стоять, находиться) или его следов.

игральной бабки, когда ее кидают при жеребьевке’, *монах* ‘укладка... из 18 снопов’, ‘длинная бутылка с красным вином’ (то есть именно с вином, а не водочная)⁸; *царь* в составном фитониме *царь-зелье* ‘*Delphinium elatum*. Живокость высокая. Ядовитое травянистое растение с высоким, до двух метров, стеблем...’ (Коновалова: 202) — «Подорожник пьем, потом пьем *царь-зелье*, *длинненький* такой» (Новосибирский словарь: 575); далее, специально в народной номенклатуре болезней (‘выпуклое новообразование на теле’): *бáрин* ‘фурункул, прыщ’, ‘ячмень на глазу’, *королек* ‘мозоль’, может быть, и *бóлдырь* ‘волдырь, чирей, опухоль’ (другие значения — ‘метис’, ‘инородец-выкрест’⁹) — см.: (Даль₂ I: 49; II: 126; III: 309; СРНГ 2: 116, 3: 72; 13: 352–354; 14: 361; 18: 252; 29: 291–292, 328; 36: 78, ст. 1. **Самовар**; 39: 255–256; СГРС V: 193; Пермский словарь: 1094; Словарь Мордовии: 377, 1202); *барин* — также в иллюстрации к ст. **Камчуг** (СРНГ 13: 31). Наверно, здесь может быть упомянуто и анатомическое обозначение *атаман* ‘большой палец на руке’ (СГРС I: 24) — с мотивом его обособленности и противопоставленности (\approx перпендикулярности) остальным пальцам; ср. еще *атаман-трава* ‘*Verbascum nigrum*, коровяк черный’ («Атаман-трава сама высокая трава на лугу», «на кукурузу похожи») (Коновалова: 21).

Опытному читателю региональных словарей хорошо известно, что в них, особенно больших по объему, текстуальные иллюстрации содержат значительное количество слов, не получивших отражения в словнике, и упущенных значений у слов, которые помещения в вокабуляр удостоились. Так, в статье **Поп** словаря русских говоров Карелии, к сожалению, не отмечено значение ‘подводный камень, представляющий опасность для судоходства’, которое вырисовывается у слова *поп* в словарной статье **Разъехаться**² 1.: «Тут камень большой, *попом* называется. Под водой там не видно, а как сухая вода — видно, а то парходом разведутся, так на попа попадали» (Словарь Карелии 5: 438; разрядка наша. — А. Ж.). В другом словаре педалируется признак его вертикального положения: *поп* ‘камень у берега моря, возвышающийся над водой’ (ср.: «**Русской** <*поп*> и **Норвецкой поп**: Так называют Мурманские промышленники два больших камня, поднимающихся из океана у входа в Гаврилово

⁸ В русских малых фольклорных жанрах вертикальное положение («стояние») метафорических *попа* и *монаха* выглядит едва ли не неизменным, ср. старожилческую индигирскую загадку о дымоходе с загородкой: «На избе *стоит монах* в верверетовых (‘вельветовых’) штанах» (Чикачев: 17).

⁹ Этимологическое выведение названия чирья *волдырь* из именованного метиса *болдырь* считают ошибочным, см.: (Фасмер I: 338), ср. (Меркулова 1969: 159; Аникин РЭС 3: 335; 8: 131–132).

становище...» [Подвысоцкий: 392]). Любопытно в этой связи иркутское название 'большого подводного камня' *капитан* (1908) — при том, что имя *капитан* в верховажском вологодском говоре использовалось (1849) как «сдвиговое» обозначение 'священника': «*Сворачивай, капитан идет!* — так при встрече вещуют священника» (СРНГ 13: 52–53).

Отметим, что в исходных формах и значениях все приведенные русские слова со значением 'социально выделенная персона' относятся к названиям лиц, принадлежащих мужскому полу. Это, несомненно, связано с меньшей ролью и социальной мобильностью женщины в обществах множества традиционных устройств.

В других славянских языках описываемая семантическая модель отмечается нередко; ср., например, словац. диал. *pop* 'vrchný snop na obilnom kríži' (SSN II: 979), польск. *pop* 'grzyb muchomor' (Warszawski słownik IV: 638), укр. диал. *nin* 'триніжка, стовп, деталь самотоки [устройства для сматывания ниток в клубки. — А. Ж.]' (Буковинський словник: 423), 'мухомор' (Маковиеcki 1936), *попадя́* 'в свадебном обряде: бутылка настоенной водки, которую (бутылку) мать невесты затыкает пучком калины и обвязывает красной ленточкой', *чернець* 'монах' → 'одинокая кегля, стоящая на черте «города», при игре в **скраклі**' (Гринченко III: 320; IV: 458), *козак* — название многочисленных видов грибов *Boletus*, как правило с вертикальной «осанкой», также 'лен-долгунец' (растение с прямостоячим стеблем), *пан*, которым в загадке кодируется 'будяк' в характерном контексте — «*Стоїт пан на одн'ій ноз'і...*» (Онишкевич 2: 38), белорус. диал. *цары́к* 'вільчык' ('конек крыши'), *казак* род гриба (СПЗБ 5: 338; 2: 359–360) и т. д.¹⁰ (см. также: [Синица 2013: 338 и след.], где объяснение подобных мотиваций иной раз страдает излишней наглядностью: «о позе священника во время богослужения», «объекты конусообразной формы... с представлением о длинной рясе священнослужителя»). Разумеется, возникает желание привлечь сюда в качестве параллелей и немалое число значений болг. диал. *non*, см. (Геров 4: 200) и др., в частности 'голям камък, който се слага най-отгоре на

¹⁰ В большинстве языков названия шахматных фигур в мотивационном отношении совокупно ориентированы прежде всего на социальные и войсковые иерархии (ср., например, в польском: *król, królowa, giermek* ← 'оруженосец', *laufer* ← 'гонец', *fenrych* ← 'знаменосец, хорунжий', существенные для нас *kaplan, ksiądz, pop*; напомним, что у нас *ферзь* — из перс. *ferz* 'полководец', в просторечии 'слон' — *офицер*), однако хочется видеть в них и попутно прихваченный признак вертикальной постановки фигуры на доске, подчеркнутой, кстати, опрокидыванием («низложением») своего короля в случае признания партии проигранной.

варница' (Аспарухово, Провадийско, БЕР 5: 522). Однако М. Рачева, выявив в перечисляемой болгарской лексике преобладающую семантику опорного элемента в разного рода технических конструкциях, без особой, как нам представляется, убедительности пыталась доказать, что эти примеры являются результатом родопского по начальной географии изменения *non* < *ньп* (**роръ* 'пуп') и лишь испытали народноэтимологическое сближение с *non* 'священник' (с вторичным и, таким образом, случайным уподоблением ситуации картинке в иных языках, ср. нем. *Mönch* 'монах' и 'несущая балка', итал. *tonaso* аналогично, белорус. диал. *пóпы* 'стропила', польск. диал. *mpich* 'сноп соломы в подстрешье' и др.), см.: (Рачева 2003: 172–175).

Приведенное выше севернорусское обозначение вертикально стоящего надводного камня *non* с реконструируемой нами мотивировкой находит примечательную семантическую параллель в осетинском языке: осет. *qen* 'стоймя, торчком, вверх ногами'. В осетинском историко-этимологическом словаре В. И. Абаева слово иллюстрировано только красочными текстами, где живописуются стоящие вертикальные камни или горные выступы, и происхождением связывается со словом *qan* 'хан' (Абаев ИЭСОЯ II: 303); об этой смысловой параллели см. также: (Журавлев 2016: 375).

Если лексико-семантическая мотивированность фразеологизма правдоподобному формулированию поддается, то формальный облик наречного сочетания *на попа*, а именно сохранение формы винительного падежа, свойственной одушевленным существительным (ср. иное *на бок / набок*), истолковать сложнее.

В данном случае более оправданной была бы адвербиализация творительного падежа *попом / попами*. Впрочем, адвербиализованный творительный *попом* регистрируется, что вполне ожидаемо, неоднократно — и в диалектной речи, и в письменных, художественно-литературных текстах. Например: печор., уральск., томск. *упасть, встать попом* 'принять вертикальное положение, занять положение стоя', *рожь попами ставят*, ср. также *рожь в попы* (СРНГ 29: 292; Словарь Низовой Печоры 2: 105); «Если городок... окажется на одной из боковых или задней черте, то *ставится попом*» (Дилакторский: 89); ср. в «Моих университетах» М. Горького, 1923 — «Лампа стоит тоже на ящике, *поставленном „попом“*», в «Князе мира» С. Клычкова, 1927 — «...стукая звонкими лбами льдину о льдину, подымая их на поворотах на рёбра и *ставя попом* на зажорах...» (возможное юмористическое понимание формы — трактовка существительного в прямом значении как наречия, например в фразе «...выстроил церковь в честь Девы Марии и в ней *поставил попом*

отца Никодима», А. Зарин, «Кровавый пир», 1901 — в виду, конечно, не имеется). Параллельное употребление винительного с предлогом *на* и творительного в таких контекстах находит аналогию в параллельности форм с иными грамматическими значениями: *ловить на удочку* : *удочкой*, *на крючок* : *крючком*, диал. *сеять муку на бусово* ‘частое’ *сито* (СРНГ 3: 306; Словарь Вершининой 2: 191) : *ситом* (инструментальная семантика); *на другой раз* : *другим разом*, *на ту же ночь* : *той же ночью*, *Я радíлась на висну́* (Псковский словарь 19: 175) : *весной*, *на Николу вешнего* : *Николой вешним* («точечная» темпоральная семантика); *разлететься на мелкие кусочки* : *мелкими кусочками* («дистрибутив 2», по [Золотова 1988: 208]); *на лицо ужасные* : *красна лицом*, *болен на (всю) голову* : *головкой нездоров* (значение «критерия оценочной квалификации» — [там же: 242]) и проч. Сюда же просится и пара *на бекрень* (/ *набекрень*) : *бекрёнем* (Даль 2 I: 81), но этимология слова *бекрень* так и не выяснена, см. (Аникин РЭС 3: 59), а форма творительного выглядит вторичной, возникшей в аналоию с вариантными парами, упомянутыми ранее: склонение этого слова ушербно, иных падежных форм у него, похоже, не встречается.

Ища причины к использованию «одушевленной» формы (*на*) *попа*, сослаться на простую грамматическую инерцию, удержавшую слово *поп* в привычной парадигме обозначений персоны (ср. еще недавно вполне обиходное *купил «москвича»* или *«запорожца»* — наряду с *продал свой «запорожец»* или *«москвич»*), заведомо недостаточно. По-видимому, нужно искать объяснение, с грамматической стороны общее для выражения *на попа* и наречий, по большей части уже с непространственной семантикой, *наверняка*, простореч. *напервакá*, *нашармакá* (*нашармачкá*), диал. *напрямá* ‘прямиком’, *навтекачá*, *наутекачá* ‘наутек’, *надармакá* ‘задаром’, *надурнакá* ‘даром, бесплатно’, *набиткá* ‘размахнувшись, сплеча’, *натоцкá* ‘натоцк’, *науходакá* ‘со всех ног’, *напотака́* (СРНГ 19: 187, 223; 20: 107, 152, 229, 251, 252; ОСАГ: 22), вульг.-экспр. *на фигá*, *на хренá* и под., в строении которых ощутима ориентированность на конструкцию «на + вин. п.» по образцу одушевленных имен, ср. параллельные «неодушевленные» формы: *натоцáк*, простореч. *надурня́к*, диал. *напрям́*, *наверня́к*, *надарма́к*, *надурна́к* (*надурня́к*) ‘даром, бесплатно’, *наперва́к*, *нашарма́к*, *напрота́к* ‘коварно, назло’, ‘ошибочно, искажая факты’... (СРНГ 19: 156, 222–223; 20: 102, 293; Псковский словарь 19: 254; Словарь Карелии 3: 358; ОСАГ: 238, 282; Словарь донского казачества: 301), вульг.-экспр., со смещением ударения с односложного имени (с нулевой флексией) на предлог, *на́ фиг*, *на́ хрен* и под., — хотя бы такое соположение затруднялось суффиксальным оснащением части приведенных в предложенном списке образцов (на *-ак-*,

-ач-) и семантической удаленностью исходного *поп* от остальных основ, в том числе девербативных.

Необязательность жесткого соотношения по части формальной «одушевленности / неодушевленности» между исходными именами, с одной стороны, и производными наречиями и фразеологизованными предложно-падежными единицами (ср. сев.-русск. *на дура́к* / *надура́к* ‘по-дурацки’ — «Он всё *на дурак* делает» (вологод.) [СГРС III: 288], ‘сдуру’, ‘не думая о результатах, о последствиях, необдуманно’ — «Сделать *надурак* что-либо» (вологод.) [СРНГ 19: 256], «Я на-шальное́ де́лаю, *на дура́к*...» [Архангельский словарь 12: 369]¹¹), с другой, заслуживает специального прослеживания на более широком диалектном материале, чем затронутый в настоящих заметках.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев ИЭСОЯ — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. Т. I; Л., 1973–1989. Т. II–IV.
- Аникин РЭС — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. М., 2007–. Вып. 1–.
- Архангельский словарь — Архангельский областной словарь. М., 1980–. Вып. 1–.
- БЕР — Български етимологичен речник. София, 1971–. Т. I–.
- Бирих, Мокиенко, Степанова — А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. 3-е изд., испр. и доп. М., 2005.

¹¹ В словообразовательном отношении наречие *надурак* двусмысленно: в нем можно усматривать результат как лексикализации предложно-падежного сочетания (*на + дурак*), так и коаффиксации (*на- + -дур- + -ак*). Выбор в пользу второй из этих деривационных схем — членение по образцу *на- + -тоиц- + -ак* — не отличается, на наш взгляд, весомыми преимуществами: вполне освободиться от ощущения присутствия в нем *плотной* (см.: Зализняк 1985: 11–12; Касаткин 2014) основы *-дурак-*, синхронно соотносимой с поносным именем персоны (с приписанием производному наречию значения ‘уподобляясь дураку, прикидываясь или будучи дураком’), не удастся. При всем семантическом и внешнем строевом сходстве с ним наречия рязан. *надуро́к* ‘сдуру’ («*Надурок* делает: вот ты будешь печку топить, а я не дам... из печки все чугуны повытащит и не даст»), ‘не считаясь с общепринятыми нормами поведения’ («Тут все косят по билету, а она *надурок* лезет») (СРНГ 19: 256; Деулинский словарь: 315) (также донск. *на дура́к* ‘силой, наглостью’ [Словарь донского казачества: 301]), последнее имеет, несомненно, иные словообразовательные импульсы, будучи подобием наречиям с коаффиксацией *на-+R_{adj,subst}+ -о́к*: диал. *накосо́к* ‘наискось’, *напрямо́к* ‘прямо, напрямик’, *насило́к* ‘насилу’ [СРНГ 19: 343; 20: 107, 161]. Так или иначе, о противоположении мотивировочных «одушевленной» и «неодушевленной» форм в цитированных рязанских и донском случаях речь не возникает.

- Буковинський словник — Словник буковинських говірок. Чернівці, 2005.
- Вереха 1898 — Опыт лесоводственного терминологического словаря. Составил П. Н. Вереха, Профессор лесного института. СПб., 1898.
- Геров — Н. Геров. Речник на българския език. София, 1975–1978. Вып. 1–6. [Фототипно издание].
- Гринченко — Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская Старина». Редактировал, с добавлением собственных материалов, Б. Д. Гринченко. Киев, 1907–1909. Т. I–IV. [Фототипическое издание].
- Даль₂ — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I–IV. [Перепечатка 2-го изд. СПб.; М., 1880–1882].
- Деулинский словарь — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1969.
- Дилакторский — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 года. СПб., 2006.
- Журавлев 2016 — А. Ф. Журавлев. Из наблюдений над славяно-иранскими семантическими параллелями (slavo-ossetica) // А. Ф. Журавлев. Эволюции смыслов. М., 2016.
- Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Золотова 1988 — Г. А. Золотова. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
- Касаткин 2014 — Л. Л. Касаткин. Плотное и неплотное соединение морфем в слове // Вопросы языкознания. 2014. № 6. С. 7–30.
- Коновалова — Н. И. Коновалова. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000.
- Максимов 1890 — С. Максимов. Крылатые слова. СПб., 1890.
- Матіїв — М. Д. Матіїв. Словник говірок центральної Бойківщини. Київ; Сімферополь, 2013.
- Меркулова 1969 — В. А. Меркулова. Народные названия болезней. I. (На материале русского языка) // Этимология 1967. М., 1969.
- Михельсон 1912 — М. И. Михельсон. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Посмертное издание. СПб., 1912.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>
- Новосибирский словарь — Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.
- Онишкевич — М. Й. Онишкевич. Словник бойківських говірок. Київ, 1984. Ч. 1–2.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1852.
- ОСАГ — Обратный словарь архангельских говоров. М., 2006.
- Пермский словарь — Словарь пермских говоров. Пермь, 1999. [Электронная версия].
- Подвысоцкий — А. О. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. [2-е изд.] М., 2009.

- Покровский 1887 — *Е. А. Покровский*. Детские игры, преимущественно русские. (В связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной). С 105 рисунками. М.: Тип. А. А. Карцева, 1887.
- Псковский словарь — Псковский областной словарь с историческими данными. Л. (СПб.), 1967—. Вып. 1—.
- Рачева 2003 — *М. Рачева*. Към проблематиката на семантичната имплицитност // *Studia etymologica Brunensia 2. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference Etymologické symposium Brno 2002, pořádané etymologickým oddělením Ústavu pro jazyk český AV ČR v Brně ve dnech 10.–12. září 2002*. Praha, 2003.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001—. Т. I—.
- Синица 2013 — *Н. А. Синица*. К изучению лексики, образованной от наименований священнослужителей, в русских, польских и украинских говорах // *Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии. Материалы международной научной конференции 26–28 ноября 2013 года* [МГУ]. М., 2013.
- Словарь Вершининой — Полный словарь диалектной языковой личности. Издательство Томского университета, 2006–2012. Т. 1–4.
- Словарь донского казачества — Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
- Словарь Карелии — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.
- Словарь Мордовии — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. СПб., 2013. Ч. I–II [пагинация единая].
- Словарь Низовой Печоры — Словарь русских говоров Низовой Печоры. СПб., 2003–2005. Т. 1–2.
- СПЗБ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Мінск, 1979–1986. Т. 1–5.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–1966. Вып. 1, 2; Л. (СПб.), 1968—. Вып. 3—.
- Фасмер — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. I–IV.
- Чикачев — *А. Г. Чикачев*. Диалектный словарь Русского Устья. Новосибирск, 2005.
- Шайкевич, Андриющенко, Ребецкая 2013 — *А. Я. Шайкевич, В. М. Андриющенко, Н. А. Ребецкая*. Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870-х гг. М., 2013. Т. 1.
- Makowiecki 1936 — *S. Makowiecki*. Słownik botaniczny łącińsko-małoruski. Kraków, 1936.
- SSN — Slovník slovenských nářečí. Bratislava, 1994—. Т. I—.
- Warszawski słownik — *J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiecki*. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1952. Т. I–VIII. [Wydanie fotooffsetowe.]

A. F. Zhuravlev

From Russian phraseology: ‘на попа’

The article is an attempt to determine the origin of the idiom ‘stand on end’ with greater precision. Looking for the sources of its roots only in the Russian terminology of physical games (‘gorodki’ and others) cannot be regarded sufficient, whereas drawing parallels with other dialects and non-Slavic languages may enable us to reveal a wider motivational model.

Keywords: phraseology, motivational model, metaphor, dialect, linguogeography, semantic model, adverbialisation, animacy/inanimacy.